

Безликий

-Убиться об стену, - думал участковый Сидоров, тащась вслед за Ольгой. – Эта перепись населения меня доконает. И где же я так нагрешил?

Идущая впереди него Ольга, худая, молчаливая женщина неопределённых лет, в свисающей с её острых плеч вытянутой футболке, не вдохновляла на ратные подвиги участкового. Улицы, по которым они шли, не сияли чистой, не были ухожены, часто попадались пьяные, кучки подростков и разбитные цыганки, сверкавшие золотыми зубами. В таких «криминальных зонах» переписчика было положено сопровождать «во избежание», что он и делал, вздыхая и вытирая пот, текущий из-под фуражки.

Этот район был мало знаком участковому – его перевели сюда недавно, впрочем, не столько перевели, сколь просто не оставили выбора. Участок «трущоб» не давал прибыли, но добавлял головной боли на все сто процентов. Процедура переписи была долгой. Бланки, бланки, одни и те же вопросы в каждом доме, задаваемые безжизненным невыразительным голосом Ольги, вымотали Сидорова. Ему хотелось домой, в душ, к холодильнику за пивком и футбол. Последний дом на этой улице был, как финишная ленточка, и потому даже Ольга прибавила шагу, пытаясь добраться до этой черты и закончить на сегодня работу.

-Нет в жизни счастья, - злобно сплюнул Сидоров, уставившись в запёртую на огромный амбарный замок дверь.

-Подождём, - предложила Ольга, и оба плюхнулись на маленькую скамеечку у дома, идти второй раз просто не хотелось. Шло время, становилось темнее, а хозяин всё не появлялся.

-Можно и по описанию соседей, если дома нет, - тихо сказала Ольга, чувствовавшая себя неловко в присутствии красивого и явно недовольного ею мужчины.

-Соседей, так соседей, - решился Сидоров и пошел к ближайшему дому. В этой старой коммуналке, наполненной спившимися «стахановцами» и

пожилыми женщинами (хотелось бы ему сказать покруче про этих... женщин, но положение обязывает), знали всё про всех. Дом стоял давно, заселяли в своё время молодых специалистов с завода, а со временем он превратился в «дом престарелых», но именно здесь можно было получить нужные сведения. У входа в подъезд стояли две лавочки, и потому каждый, кто входил в дом, с двух сторон обстреливался пристальными взглядами скучающих старожилок.

-Здравия желаю, гражданочки, доброго вам вечера, - рука Сидорова взметнулась к фуражке. – Посодействуйте милиции, будьте так любезны! Шесть пар подслеповатых глаз преданно - ожидающе уставились на участкового.

-Нам бы про ваших соседей, вон из того дома информацию собрать для статистики, так сказать, помогайте переписи, - решил сразу уточнить Сидоров, зная по своему опыту, что иначе придется выслушать обо всех соседях, начиная от царя Гороха.

-А что там рассказывать, один он живёт, никого не водит, носит только продукты,- заторопилась самая шустрая бабулька, боясь не успеть рассказать всего, что знает, - недавно к нам переехал, уважительный такой, интеллигентный, внимательный, всегда поздоровается.

-Это ты кого интеллигентом назвала?- властным голосом иерихонской трубы перекрыла поток излияний товарка, сидящая рядом. - Это ты того бугая из тринадцатого так назвала? Уголовник это, участковый, так и запиши – чистый уголовник.

Между соседками завязалась склока, каждая защищала свою точку зрения, при этом ссылаясь в аргументах на «качества добродетели» оппонента, к забаве присоединились и остальные. Особенно громко кричала явно глухая старушка, и была она против всех сразу.

-Да все вы тутки! Я одна в нашем доме кроме Митьки моего никого больше не знала!

Аргумент был веский, и потому воцарилась тишина.

-Гражданочки, вы же взрослые люди, ну как вам не стыдно, - пожурил Сидоров, - моральные качества нас сейчас совершенно не интересуют. Вы поймите, нам нужна конкретная информация! Сколько человек проживает в доме? Как зовут, сколько лет, национальность?

Если с ответом на первый вопрос проблем не было, то дальше понеслась неразбериха. Получалось, что у человека, как минимум, три имени, лет от 25 до 50, национальность варьировалась от русского до армянина, причем каждая была абсолютно уверена в своей правоте. Началась очередная склока. Не дожидаясь её исхода, Сидоров схватил Ольгу за руку и повел прочь со двора. Шли, как обычно. Ольга впереди, а сзади - зло пыхтящий и сплёвывающий себе под ноги - участковый, именно поэтому Сидоров не заметил, когда Ольга остановилась, и врезался в неё головой.

-Встала тут посередь дороги, - прошипел Сидоров и замолчал. Навстречу им, грузно переваливаясь, шёл явно уголовной наружности мужчина лет сорока. «Вышибала», - отметил про себя участковый, - точно вышибала, права была «бабка-труба».

-Участковый Сидоров. Это Вы, гражданин, проживаете в 13 доме по данной улице?

-Ну, я. А че, нельзя? - усмехнулся мужчина и перекинул из одной руки в другую пакет с явно звенящей в нем посудой.

-Можно, - холодно ответил участковый, - нам бы бланки переписные на Вас заполнить.

-Милости прошу, не на дороге же стоять.

В доме было темно и прохладно. Ольга дрожащей рукой заполняла данные на жильца, боясь даже дышать. «О, как гормон заиграл», - хмуро подумал участковый, видя пунцовые щёки переписчика.

-Может, чаю?- предложил хозяин. По инструкции переписчик не имел права оставаться в доме и принимать подарки и угощения, но день рабочий закончен, а до дома ещё далеко, да и хозяин оказался вполне адекватный.

-Не откажемся, - решил за себя и за Ольгу Сидоров.

Пока хозяин хлопотал на кухне, Ольга что-то черкала в своем блокнотике карандашом. Возвращались домой уставшие, шли рядом.

-Что ты там все в своем блокноте шуршала?

Вместо ответа Ольга протянула блокнот участковому. Это были эскизы в карандаше. Вот толстый карапуз засунул пальчик в рот, а это «бабка-труба», лицо цыганки, пожилой мужчина, домик со скамеечками, глухая старушка, грозно потрясающая сухонькими кулачками, сам участковый с «уставшими глазами».

-А это кто?

-Это тот, из 13 дома.

На участкового смотрел молодой парень с тонкими, интеллигентными чертами лица, наивными глазами и открытой улыбкой.

24.07.2010.